

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Чернега

РОССИЯ В МНОГОПОЛЮСНОМ МИРЕ

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, консультант Совета Европы, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Тема перехода современного мироустройства от однополюсного к многополюсному порядку уже длительное время обсуждается как в России, так и за ее пределами. Это, естественно, кризис однополюсного порядка, возникшего после крушения СССР в 1991 г., очевиден. Но в России тезис о многополюсности стал своего рода мантрой, подразумевающей если не приход «светлого будущего», то, по меньшей мере, формирование значительно более благоприятных условий для упрочения международных позиций страны. Российская дипломатия уже в 90-е годы отвергала однополюсную структуру, противопоставляя ей многополюсность как неизбежную и желательную альтернативу. Сегодня эта тенденция не просто набрала силу, некоторые эксперты и практики считают, что мы уже живем в эпоху многополюсности (хотя есть и те, кто говорит о «беспольности» или «нулевой полюсности»).

При этом попытки серьезного анализа того, что может принести миру и особенно России многополюсный порядок, пока еще очень редки. Не очень ясно даже, когда реально наступит этот порядок, ведь вопреки тому, что отмечено выше, мы скорее всего вступили в некий промежуточный этап, когда однополюсность утрачивает свой прежний жесткий характер, но окончательно не исчезает. Стоит напомнить, что как в двухполюсной, так и в однополюсной системах статус «полюса» подразумевал очень высокий уровень экономической и военной мощи (в последнем случае как ядерной, так и неядерной компоненты), способность проецировать эту мощь далеко за свои пределы, наличие системы союзов и в целом обширной сферы влияния на международной арене, обеспечиваемой в том числе и так называемой «мягкой силой».

С учетом этих параметров единственным полноценным «полюсом» все еще остаются США. Они по-прежнему обладают самой мощной и гибкой экономикой, способной достаточно быстро преодолевать даже глубокие кризисы и обновляться (как это произошло после 2008 г.). Огромную роль в этом играет предпринимательская инициатива, которой здесь обеспечены самые благоприятные политико-правовые условия. Это привлекает также иностранных предпринимателей и инвесторов.

Конечно, в экономической позиции США есть слабое место – огромный государственный долг (около 18 трлн долл., или 96% ВВП). Америка тратит больше, чем зарабатывает, и в будущем это может привести к надлому ее финансовой и социально-экономической систем. Но, по мнению большинства экспертов, до тех пор пока США доминируют в бреттон-вудской системе международных финансовых институтов, американский доллар останется глобальной резервной валютой, а сама страна будет рассматриваться как привлекательное и надежное место для вложения капиталов.

США обладают самыми мощными Вооруженными силами, тратят больше всех в мире на военные цели, а также на научные исследования и опытно-конструкторские разработки и производят больше всех новых технологий. Они не просто имеют разветвленную сеть союзнических отношений в разных регионах мира, но и доминируют в ней (самый яркий пример – НАТО) и «подпирают» ее не менее разветвленной сетью военных баз.

Пока никто не может сравниться с США и в возможностях применения так называемой «мягкой силы», т.е. использования несиловых инструментов воздействия на другие страны. В связи с этим важно, что США контролируют основные информационные ресурсы планеты и сохраняют лидирующую роль в области информационных технологий. Вкупе с господствующими позициями американского кино это позволяет Америке не только продвигать вовне свое влияние, но и при необходимости организовывать информационно-пропагандистские войны против негодных режимов в тех или иных странах. США финансируют огромное количество НПО, работающих за рубежом, которые также так или иначе способствуют продвижению американских интересов.

При всем этом США уже не в состоянии пытаться диктовать свою волю всему миру или единолично решать основные мировые проблемы. Впрочем, такие попытки изначально были нереалистичными. Триумфализм, порожденный исчезновением основного противника – СССР, сыграл с США злую шутку: вместо того чтобы адаптироваться к новой ситуации, они попробовали адаптировать мир к себе. Но это оказалось не под силу даже единственной сверхдержаве.

Сказанное не меняет того факта, что США по-прежнему являются бесспорным мировым лидером. Кризис однополюсной системы объясняется

не тем, что США ослабели. С одной стороны, усилились другие державы, особенно в АТР, куда постепенно смещается центр мировой экономической активности. С другой стороны, сами США начали осознавать, что взвалили на себя неподъемный груз. Олицетворением этой тенденции является прежде всего президент Барак Обама – пожалуй, самый осмотрительный глава американского государства за последние десятилетия.

Правда, в США есть влиятельные круги, особенно те, что связаны с Республиканской партией, которые все еще верят, что ослабление международных позиций Америки объясняется не объективным положением дел, а недостатком политической воли у демократа Обамы. С их точки зрения, США и дальше должны пытаться играть роль мирового гегемона. Проведение направленной на это политики не исключено, особенно если республиканцы победят на предстоящих в 2016 г. президентских выборах, тем более что, вопреки распространенным в России представлениям, в мире (прежде всего в Восточной Европе, Юго-Восточной Азии) есть немало стран, которые по тем или иным причинам не желают уменьшения международной роли США. Но даже в этом случае вряд ли можно ожидать возвращения Америки к активному гегемонизму периода президента Джорджа Буша-младшего, поскольку это будет наталкиваться на все более сильное противодействие других держав. Да и печальный опыт интервенций, совершенных США в Ираке и Афганистане, ошибок, допущенных в Сирии и Ливии, вряд ли будет скоро забыт.

Иными словами, тенденция к отходу от жесткой однополюсной системы, скорее всего, приобретает необратимый характер. Однако вопрос о том, придет ли на смену ей реальная многополюсная система, где «полюса» были бы более или менее эквивалентны друг другу, и сколько времени это займет, остается открытым. Ответ на него зависит от того, превратятся ли в полноценные новые «полюса» имеющиеся кандидаты на этот статус.

Большинство экспертов называют в качестве таких реальных или потенциальных кандидатов Китай, Индию и Европейский союз. Некоторые из них включают в список кандидатов и Россию, другие, однако, оспаривают это, считая ее «угасающей державой».

На сегодняшний день наибольшие шансы стать реальным соперником США имеет Китай. В номинальном выражении его ВВП еще отстает от американского (по версии МВФ, 12 трлн долл. по сравнению с более чем 18 трлн долл. у США), но по паритетной покупательной способности, по некоторым оценкам, он догоняет или даже переиграл его. В октябре 2016 г. ожидается включение юаня в корзину мировых резервных валют, что явится признанием его экономической мощи. При этом, однако, Китай, ставший в предыдущие десятилетия своего рода «мастерской мира», в основном использует чужие технологии. Иными словами, китайский экономический рост до сих пор был

скорее количественным, чем качественным. Конечно, китайское руководство уделяет все больше внимания этой проблеме, но, как свидетельствует история, для перехода на качественный рост, помимо достаточно длительного времени и больших ресурсов, нужны глубокие реформы (причем не только в экономике).

Многие эксперты в самом Китае и за его пределами считают, что экономическая модель, основанная прежде всего на дешевой рабочей силе и на экспорте большей части произведенной продукции, которая обеспечила ему беспрецедентный экономический рывок, исчерпала себя. И дело не только в снижении темпов роста, которые по сравнению с другими странами остаются достаточно высокими. Специалисты указывают на накопившиеся «токсичные» активы в ряде банковских и других финансовых учреждений, на увеличивающиеся государственный долг и внешнюю задолженность. По их оценкам, только китайские корпорации задолжали внешним кредиторам более 2 трлн долл. Внезапная девальвация юаня в январе 2016 г., потрясения на китайских биржах, отозвавшиеся эхом по всему миру, подтвердили наличие этих и других трудностей в китайской экономике.

Острой проблемой Китая становится старение населения, означающее, что уменьшающееся число экономически активных людей должны кормить все большее число неактивных. Провозглашенный недавно отход от политики «одна семья – один ребенок», если и даст эффект, то нескоро. Демографические тенденции вообще не поддаются быстрой значительной корреляции. По прогнозам демографов, к 2030 г. по числу населения Китай опередит Индия.

Судя по всему, китайское руководство сознает наличие этих проблем и пытается выработать такую социально-экономическую стратегию, которая позволила бы более или менее плавно перейти к новой модели роста, больше ориентированной на внутреннее потребление. Удастся ли это сделать, покажет время. Стоит, однако, заметить, что подобная стратегия, предполагающая повышение уровня жизни населения, обычно ведет к росту среднего класса, более открытого к внешним влияниям, чем сельские жители, все еще составляющие большинство в стране. В китайской печати уже появлялись тревожные статьи по поводу происходящей «вестернизации» этого социального слоя и опасности распространения в нем «гонконгского вируса», т.е. демократических идей, малосовместимых с нынешним политическим устройством Китая.

Между тем переход к качественному росту на каком-то этапе потребует реформирования этого устройства в целях придания ей большей гибкости. Исторический опыт, в первую очередь СССР, показывает, что жесткая политическая система, сковывающая живые силы общества, рано или поздно становится препятствием на этом пути. Авторитарный строй может, сконцентрировав ресурсы на отдельных направлениях, добиться на них

«прорывных» успехов. Но он не способен обеспечить устойчивое, поступательное движение научно-технического прогресса в масштабах всей экономики на постоянной основе. Пойдет ли Пекин на проведение соответствующих реформ и если да, сможет ли он сделать это без потрясений – на этот вопрос ответа пока нет. Это, пожалуй, главный вызов, стоящий перед Китаем, который может помешать ему выиграть конкурентную гонку с США.

Стоит упомянуть и военный аспект. Китай прилагает все большие усилия для наращивания и модернизации своей военной мощи. Пока, однако, в этом отношении он еще значительно отстает не только от США, но и от России. Ядерный арсенал Китая в разы меньше, чем у этих двух держав.

Еще меньше Китай может опираться на «мягкую силу». Поддержание связей с китайскими общинами за рубежом вряд ли может восполнить ее недостаток. Более того, именно цивилизационный аспект является естественным ограничителем его идейно-культурного влияния. В отличие от США он не может претендовать на универсальность своей культурно-ценностной модели.

В целом, несмотря на то что Китай активно проникает в экономики других регионов, например Средней Азии и Африки, и является фактическим лидером таких образований как БРИКС или ШОС, его вряд ли можно назвать глобальным игроком. Впрочем, Китай, судя по всему, пока и не претендует на эту роль, предпочитая сохранять максимальную осторожность применительно к тем проблемам, которые непосредственно его не затрагивают. Об этом говорит, в частности, его голосование в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Не был пока замечен Китай и в попытках создания военно-политических союзов. БРИКС и ШОС, очевидно, таковыми являться не могут.

Еще меньше может претендовать на роль глобального игрока Индия, хотя по численности населения, а также в экономическом и военном отношении она все больше приближается к статусу бесспорной великой державы. Как отмечают специалисты, экономическая стратегия этой страны, считающейся самой большой в мире демократией, до сих пор характеризовалась поддержанием достаточно высоких темпов роста с акцентом на его качественную сторону, в частности на развитие инновационного сектора. Однако помимо значительно меньшей по размерам, чем у Китая, экономики над ней еще больше довлечет груз социальных проблем, в частности бедности, социальных, социально-кастовых и религиозных противоречий. Наблюдающийся в Индии быстрый рост населения скорее помеха для решения этих проблем.

Индия еще только борется за место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Она входит в «клуб ядерных держав», но по размеру своего ядерного арсенала она, как и Китай, относится ко второму их эшелону. Индия

участвует в Движении неприсоединения и, соответственно, не вступает в военно-политические союзы.

Европейский союз по размерам совокупного ВВП в зависимости от меняющегося курса евро по отношению к доллару занимает первое место в мире или делит его с США. В России, да и не только в России, в связи с нынешними трудностями ЕС, его принялись преждевременно хоронить. В действительности, в длительной перспективе это объединение имеет шансы превратиться в конфедеративно-федеративное образование со всеми вытекающими последствиями в сфере внешней политики и, возможно, даже обороны. Упомянутые трудности ЕС рано или поздно преодолееет, поскольку, во-первых, заинтересованность в этом государств-членов значительно сильнее их разногласий, а во-вторых, сложность механизмов согласования и «притирок» решений в ЕС имеет оборотной стороной гибкость, позволяющей находить необходимые компромиссы.

Следует обратить внимание и на то, что под шумок разговоров о «конце европейского проекта», в структурах ЕС идет малозаметная работа по «гармонизации» законодательства и политики государств-членов в бюджетно-финансовой и налоговой сферах. По мнению большинства экспертов, отсутствие такой «гармонизации» явилось главной причиной возникновения дисбалансов в «еврозоне» и трудностей при попытках их урегулирования. Именно перспектива появления у ЕС бюджетно-финансовой и налоговой скреп тревожит больше всего противников его федерализации, в частности в Великобритании, где опасаются, что, помимо прочего, это нанесет ущерб позициям Лондона в его качестве крупнейшего финансового центра. Но даже если Великобритания выпадет из «поезда интеграции», это вряд ли уже его остановит. Политика, как когда-то было сказано, есть концентрированное выражение экономики, а она требует продолжения интеграционного процесса.

ЕС располагает также большим потенциалом «мягкой силы». Главный ее фактор – привлекательность социально-экономической модели, утвердившейся в развитых странах этого объединения и обеспечивающей несравнимый даже с США уровень социальной защиты индивида, а также уязвимых категорий населения. Переживаемый сейчас ЕС миграционный кризис является прямым следствием этой привлекательности. Нельзя, разумеется, забывать и о том, что «европейская модель» включает в себя эффективно действующую демократию, правовое государство и развитые институты защиты прав человека.

Вместе с тем очевидно, что ЕС понадобится много времени, чтобы урегулировать глубокие внутренние противоречия, обнажившиеся в последние годы. На горизонтальном уровне речь идет в первую очередь о противоречиях между «Севером» и «Югом» ЕС, по-разному видящими способы борьбы

с экономическими трудностями и в целом проведение общей экономической политики. Есть проблемы и на «Востоке» ЕС, где такие страны как Венгрия и Польша противопоставляют национальные интересы линии Брюсселя. ЕС в целом оказался неготовым к нашествию мигрантов и пока разрывается между «европейскими ценностями» (прежде всего, правами человека) и инстинктом самосохранения.

Увеличивается разрыв между «евро-бюрократией» в Брюсселе, выражающей главным образом интересы мультинационального капитала и превратившейся в практически никем не контролируемую самодовлеющую силу, с одной стороны, и огромной массой мелких и средних предпринимателей, фермеров, не имеющих возможности «достучаться» до Брюсселя в целях защиты своих интересов, – с другой. Несмотря на существование Европейского парламента, полномочия которого неоднократно усиливались, механизмы обратной связи, более или менее эффективно обеспечиваемые демократическими системами в государствах-членах, на уровне ЕС явно недорабатывают. В более широком плане очевидно, что космополитизированные европейские элиты, форсируя интеграцию, слишком оторвались от своих народов, не желающих такими темпами растворяться в «европейской общности».

Всё это означает, что несмотря на введение в ЕС в 2009 г. постов «президента» (председатель Европейского совета) и «министра иностранных дел» (верховный представитель ЕС по иностранным делам), в обозримом будущем он не будет иметь той политико-организационной сплоченности, которая позволила бы ему играть роль полноценного мирового «полюса».

Что касается России, ее шансы стать реальным «полюсом» выглядят наиболее противоречиво, особенно в перспективе. С одной стороны, существуют очевидные факторы, которые подтверждают ее притязания на этот статус. Речь идет, прежде всего, о самой большой в мире территории и ключевом геостратегическом положении на евразийском пространстве, огромных запасах природных ископаемых (более 30% всех запасов планеты), сопоставимом с США ракетно-ядерном арсенале, месте постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Осуществляемая ныне модернизация Вооруженных сил РФ, результаты которой проявились, в частности, в Сирии, также усиливает международные позиции страны.

В положительное «сальдо» России следует занести и активную внешнюю политику, осуществляемую посредством квалифицированной дипломатии. Тот факт, что без участия России не решается ни одна из актуальных международных проблем, в значительной мере является результатом этой политики. Увеличивают геополитический вес России продвигаемое ею интеграционное объединение ЕАЭС, лидерство в ОДКБ, ее активность в БРИКС и ШОС.

Стоит упомянуть и то, что Россия является вторым по важности игроком, после США, на международном рынке вооружений.

С другой стороны, эти преимущества тем дальше, чем больше будут нивелироваться «факторами слабости» России. На первое место среди них следует поставить тревожную демографическую ситуацию. В докризисный период российской власти удалось несколько повысить рождаемость и уменьшить смертность, что привело к определенному росту продолжительности жизни. При этом, однако, рождаемость так и не удалось довести даже до уровня, с которого начинается простое воспроизводство населения, не говоря уже о росте, а средняя продолжительность жизни, особенно среди мужчин, по-прежнему значительно отстает от аналогичных показателей развитых стран.

К тому же в последнее время ситуация вновь стала ухудшаться. Небольшое превышение рождаемости над смертностью, наблюдавшееся еще в 2014 г., в 2015 г. начало сокращаться (в январе–октябре, по данным Госстата, оно составило 21 тыс. человек по сравнению с 37 тыс. человек за тот же период 2014 г.). Вновь возросло число бедных. Это – естественный результат экономических трудностей, которые переживает сейчас Россия. Они привели также к снижению реальных государственных расходов на здравоохранение и образование, что неминуемо будет сказываться и на качестве так называемого «человеческого капитала» страны.

Следует отметить также, что Россия подходит сейчас к так называемой «демографической яме», связанной с тем, что в репродуктивный возраст входят малочисленные поколения, родившиеся в 90-е годы. Демографы предсказывают, что уже к 2030 г. российское население, даже с учетом присоединения Крыма, может сократиться до 130 млн человек. Примерно на такую же оценку опирается Концепция государственной миграционной политики до 2025 г., утвержденная Президентом РФ в 2012 г. В ней прогнозируется уменьшение к 2025 г. трудовых ресурсов страны на 10 млн человек и предусматривается восполнять их главным образом за счет приема иностранной рабочей силы.

Сокращение населения России, в географическом плане «зажатой» между ЕС (более 500 млн человек) и Китаем (1,3 млрд), грозит не только сокращением ее шансов остаться великой державой, но и ослаблением контроля над собственной огромной территорией. Стоит отметить, что уже сейчас в рамках БРИКС Россия по численности населения находится на предпоследнем месте – после Китая, Индии (1,2 млрд) и Бразилии (202 млн). Вне БРИКС из быстро развивающихся стран ее превосходят Индонезия (220 млн) и догоняет Мексика (125 млн).

О другом «факторе слабости» России – ее экономике, говорится и пишется достаточно много. Действительно, размеры ВВП России для великой

державы незначительны – 71,4 млрд руб. (или более 2 трлн долл. в неизменных ценах) в 2014 г., причем в 2015 г. он уменьшился почти на 4%. Он несоизмеримо низок по сравнению с ЕС, США и Китаем и существенно ниже, чем у Японии. В 2015 г., по оценке МВФ, Россию должны были обогнать Индия и Бразилия.

Стало общим местом отмечать и низкое качество, в частности слабую диверсификацию российской экономики, слишком большую зависимость от экспорта энергоносителей, недостаточное развитие реального сектора, общую технологическую отсталость. Несмотря на все заверения властей об улучшении условий для мелкого и среднего бизнеса, число предпринимателей в стране сокращается. Между тем именно они обеспечивают необходимые экономике гибкость и динамизм. Именно эта категория составляет костяк среднего класса, который в свою очередь обеспечивает социальную стабильность общества.

Еще более тревожным является тот факт, что Россия даже в докризисные годы, характеризовавшиеся общим ростом затрат на социально значимые отрасли, по сравнению с передовыми странами инвестировала недостаточно средств в развитие науки, которая определяет конкурентоспособность страны на длительную перспективу. Нынешние экономические трудности вынуждают российскую власть еще и сокращать эти расходы. Помимо прочего, закономерным результатом этой ситуации вновь стал рост «утечки умов». Многие ученые мотивируют свой отъезд не только недофинансированием, но и участвующим некомпетентным вмешательством в их работу правоохранительных органов.

Всё вместе это неизбежно ведет к углублению технологического отставания страны от основных конкурентов и в конечном счете к ослаблению ее обороноспособности. В истории России такое уже было, достаточно вспомнить ее техническое отставание от противника в Крымской войне 1853–1856 гг. или в Первой мировой войне.

В более широком плане, сегодня уже нет сомнений, что принятая де-факто российской властью в 2004–2005 гг. стратегия «энергетической супердержавы», основывавшаяся на развитии главным образом нефтегазового сектора и связанных с ним отраслей, оказалась несостоятельной. По подсчетам российских специалистов, в 2000–2015 гг. этот сектор принес России около 3 трлн долл. Однако для того чтобы только поддержать добычу нефти и газа на нынешнем уровне, стране нужно будет вложить в него в 2015–2030 гг. около 2 трлн долл. И это несмотря на «сланцевую революцию», а также на быстрое развитие сектора возобновляемых источников энергии (мировой лидер – Китай), делающие перспективу рентабельности таких вложений весьма туманной.

Нынешняя политика «импортозамещения» (которую, на самом деле, нужно назвать попыткой повернуться наконец к производственному сектору экономики) может принести ощутимые результаты лишь через какое-то время, да и то при условии правильной экономической стратегии, включающей в себя, помимо прочего, реальную, а не лозунговую поддержку предпринимательского слоя, и привлечение необходимых инвестиционных ресурсов.

Стоит заметить, что в связи с «импортозамещением» вскрылась огромная зависимость большинства российских производств от импортных составляющих, материалов, металлов, в том числе в оборонной сфере. Конечно, во всей более глобализированной мировой экономике кооперация является нормальным явлением, но в российском случае эта зависимость объясняется прежде всего последствиями господствовавшего до сих пор в среде российских элит «рентно-паразитического синдрома»: «зачем производить, если можно все купить».

К «факторам слабости» России следует также отнести бедность значительной части населения (около 40%, по критериям ЕС, причем, как отмечено выше, число бедных сейчас увеличивается¹), а также колоссальный и все возрастающий разрыв между малоимущими и богатыми. Они подрывают социальную сплоченность российского общества, которая рассматривается в развитых странах как неперемнное условие устойчивого экономического роста. Конечно, сегодня власть по максимуму использует патриотическое единение общества в связи с украинским кризисом и западными санкциями, но, как показал советский опыт, этот резерв сплочения не безграничен.

Нельзя не упомянуть и проблему коррупции государственного аппарата, правоохранительных структур и органов местного управления, достигшей таких масштабов и глубины, что даже высшие руководители государства неоднократно называли ее «угрозой национальной безопасности». Стоит напомнить данные, приведенные Президентом В.В. Путиным на своей традиционной пресс-конференции в декабре в 2105 г.: 83% заведенных уголовных дел на предпринимателей не получили продолжения, но при этом их фигуранты лишились своей собственности (как выразился президент, «попрессовали, обобрали и отпустили»).

Во внешнем плане среди «факторов слабости» следует назвать, прежде всего, отсутствие у России союзников, достойных этого имени. Ни один из членов ЕАЭС и ОДКБ не поддержал Россию в вопросах Южной Осетии, Абхазии и Крыма, исключения Украины из зоны свободой торговли СНГ, более того, некоторые из них в связи с украинским кризисом поспешили восполь-

1. В России критерий бедности – доход на члена семьи ниже так называемого прожиточного минимума (около 7 тыс. руб.), в ЕС – доход на члена семьи ниже 60% среднедушевого дохода по стране.

зоваться ситуацией, чтобы улучшить свои отношения с Западом. Не поддержали Россию и участники ШОС.

Китай вроде бы близкий партнер России (в том числе в рамках БРИКС и ШОС), на которого она возлагала большие надежды в плане противодействия попыткам Запада отрезать ее от кредитно-инвестиционных ресурсов, официально не одобрил западные антироссийские санкции. Однако, как указывают российские эксперты в области финансов, многие китайские банки, «завязанные» на американский рынок, фактически в них участвуют.

Внезапная девальвация юаня в январе 2016 г., ударившая и по российской экономике, и по геоэкономическим планам Кремля, связанным с продвижением расчетов в национальных валютах в двусторонней торговле и внутри БРИКС (в противовес американскому доллару), показала, что Пекин в тех случаях, когда речь идет о его важных интересах, с Россией считаться не будет.

Китай активно проникает в экономики стран среднеазиатских стран ЕАЭС, де-факто оставляя за Россией в этом регионе лишь функцию «охранника» (обеспечение безопасности), он укрепляет экономические связи с Украиной, пользуясь ослаблением там российских позиций.

В геополитическом плане Китаю крайне выгодна конфронтация России с Западом, позволяющая ему, с одной стороны, усилить ее зависимость от своей экономики, с другой – отвлекать внимание мирового сообщества от собственных острых проблем (права человека внутри страны, усиливающаяся экспансия Китая в ряде регионов вовне).

Еще один «фактор слабости» России на международной арене, который стоит упомянуть, – ее весьма ограниченные возможности применения «мягкой силы». Среди причин этого на первое место нужно, конечно, поставить непривлекательность ее политической и социально-экономической систем. В ряде других – стоит выделить политику Кремля в отношении НПО, фактически блокирующую их развитие. Из-за отсутствия НПО, работающих за рубежом, очень слабо используется, например, довольно значительный потенциал российских диаспор в различных странах. Разумеется, такие структуры, как Россотрудничество и Фонд поддержки и защиты прав соотечественников за рубежом, делают свое дело, но их казенно-бюрократический характер не позволяет им действовать с той гибкостью, которой отличаются НПО.

Возвращаясь к теме многополюсной системы, можно, таким образом, утверждать, что, в силу отмеченной неравноценности имеющихся «полюсов», она еще будет долго представлять асимметричную и, по определению, нестабильную конструкцию. По сравнению с двухполюсным и жестким однополюсным порядками она предоставляет государствам больше автономии, больше возможностей для маневра, но одновременно таит больше опасностей. Ситуация усугубляется тем, что в последние два десятилетия были

нанесены чувствительные удары по международному праву, ослаблена роль ООН. Приостановление, по инициативе Запада, участия России в «группе восьми», несомненно, уменьшило возможности этой структуры по координации подходов к новым вызовам в международной экономике и политике. Недавно созданная, более широкая структура по согласованию таких подходов – «группа двадцати», только начинает себя проявлять.

Главная проблема России, связанная со становлением нового мирового порядка, состоит в том, что из-за указанных выше «факторов слабости» с течением времени ей будет все труднее, с одной стороны, пользоваться возможностями, с другой – противостоять вызовам этого порядка. Соответственно, будут подрываться ее претензии на роль «полюса». Более того, при сохранении, тем более углублении этих факторов, все реальней становится перспектива превращения ее во второстепенное государство.

Между тем для России, уже в силу ее территории и географического положения, статус великой державы, участие в мировых делах являются условием выживания. В противном случае важные решения, затрагивающие ее жизненные интересы, будут приниматься без нее, за нее и не в ее пользу.

Пока этот статус удастся поддерживать с помощью, главным образом, активной внешней политики и военной силы. Но так не может продолжаться бесконечно. Сегодня все очевиднее, что, для того чтобы сохраниться в качестве великой державы, России нужно поменять порядок приоритетов и сосредоточиться, наконец, не на словах, а на деле на диверсификации и модернизации своей экономики, на создании в стране современной инфраструктуры, на борьбе с бедностью и сокращении разрыва между малоимущими и богатыми хотя бы до показателей среднеразвитых стран.

Но ясно и то, что сделать это без глубоких реформ, не меняющую сейчас в стране систему политических, экономических и социальных координат, уже вряд ли возможно. Эта система сводит на нет все попытки оживить предпринимательскую инициативу, поднять на нужный уровень развитие науки, адаптировать к современным вызовам и требованиям сферу образования.

Общие параметры реформ, необходимых для модернизации страны, давно известны, их неоднократно озвучивал, например, Д.А. Медведев в бытность его президентом: реальное обеспечение политической и экономической конкуренции; неукоснительное соблюдение законов всеми, в первую очередь властями всех уровней и правоохранительными органами (главное условие защиты индивида, предпринимателя, ученого от государственного произвола); неприкосновенность частной собственности, действительная, а не показная, борьба с коррупцией. Нужно также тесно увязать экономическую и социальную политику в целях борьбы с бедностью, нацелить налоговую систему на сокращение разрыва между малоимущими и богатыми и т.п.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Главный вопрос в том, способен ли нынешний правящий класс России осуществить необходимые перемены, которые потребуют от него существенных самоограничений, ради своих же долгосрочных интересов. В российской истории примеров такого рода, к сожалению, очень мало. В любом случае судьба России как великой державы решится в зависимости от того, какой ответ будет дан на этот вопрос.